

Семья Трубецких

У Трубецкого есть чувство природы.

Он восхищался весенней ночью на токах.

Я спросил его: А в Готчине на токах были голоса этих птиц?

- Были, - ответил он, только я тогда их не понимал. Вероятно, без горя это и нельзя понять: сравнить не с чем было тогда.

М.М. Пришвин. Дневники.

13 мая 1928 г.

В 1931 году вышла книга рассказов В. Ветрова «Веселые охотники». Начиналась она так:

«Вместо предисловия

– Отчего вы не написали предисловия к своей книге? – спросил редактор, перелистывая мою рукопись.

– А разве это так уж необходимо? – в свою очередь задал вопрос я.

– Разумеется, книжка без предисловия, это... как вам сказать... ну, все равно, что поросенок без хвостика. Словом, это куцая вещь.

Я был в затруднении. Дело в том, что я лично никогда никаких предисловий не читаю, потому что всегда прямо люблю переходить ближе к делу. Я откровенно высказал редактору эту мысль.

– Писать предисловие... о, это вовсе не трудно! Напишите несколько красивых слов о том, как следует понимать ваших героев, укажите, что ваши рассказы вымышлены... скажите, наконец...

– Стойте! – прервал я редактора. – Приключения Боченкина и Хвоща не вымышлены, и все, что тут написано, все это действительно с ними было.

Редактор подмигнул мне и хихикнул.

– Рассказывайте сказки!.. Кто же вам поверит, что ваши приключения – правда!

– А почему, собственно, им не быть правдой?

– Да потому, что это охотничьи рассказы.

– Что же, или нет правдивых охотников? А охотничьи рассказы и вранье, по-вашему, одно и то же?

– Будем откровенны... – перебил меня редактор. – Ведь вы же не можете поклясться, что все, что вы тут пишете про Боченкина и Хвоща, правда?

– Клянусь экстрактором моей централки Веблея и Скотта!

Редактор пожал плечами и с нескрываемой иронией посмотрел на меня. Странное дело: чем больше искренности вкладывал я в свои уверения относительно правдивости описанных здесь приключений, чем больше я клялся, – тем тоньше улыбался редактор, давая мне этим понять, что я просто отчаянный остряк.

Когда после получасового бесплодного спора я вышел из кабинета редактора в соседнюю комнату, до меня донесся в открытую дверь редакторский голос:

– Ох, уж эти мне охотнички... черт их знает, что это за люди: сами знают, что врут, а поди же!..

С минуту я колебался, вернуться ли мне в кабинет, или же оставить эти слова без последствия... В кабинет я не вернулся, однако решил, что умышленно не сделаю никакого предисловия к своей книге, прямо представив ее на суд читателя. Он сам должен решить, кто из нас прав: я или редактор».

По правде говоря, рассказы эти в известной мере были плодом коллективного творчества. Приезжал князь Владимир Сергеевич Трубецкой (1891–1937) в Москву к своим родственникам Голицыным. Садился за стол. И кто-нибудь говорил, например: «А что будет, если в богородицком пруду заведется крокодил?» все начинали горячо обсуждать это предположение и рождался сюжет рассказа «Аллигатор с реки Миссисипи». А художник Владимир Михайлович Голицын делал иллюстрации к рассказу о том, как два охотника – Боченкин и Хвощ – ловили в пруду крокодила. Боченкин изображался маленьким, с очками на длинном носу, а Хвощ – высоким, очень худым, в обтрепанных обмотках на ногах, похожих на два стебля хвоща: отсюда и прозвище охотника. На самом же деле это был шаржированный портрет автора рассказов – В.С. Трубецкого.

Начало его пути в литературе относится к 1920-м годам. Подстрелил он однажды в Богородицке галку необычного светло-песочного цвета. Привез в Москву, в Зоологический музей. Явление это, называемое хроматизмом, очень редкое, и галку собирались купить для музея за баснословную цену. Но не было какого-то начальника, и покупку отложили на следующий день. Трубецкой, радостный, пришел к Голицыным, галку положил в прихожей на сундук. А пока целовался и обнимался с родными, галку стащила кошка.

Голицыны посоветовали Трубецкому написать рассказ об этом происшествии, что он и сделал. Рассказ назвал «Миллиард за галку». Название в редакции исправили на «Драгоценная галка» – не разрешалось упоминать астрономические цены, которые установились в нашей стране в начале 20-х годов. Рассказ напечатали в журнале «Всемирный следопыт». Он был принят читателями, и охотничьи рассказы В. Ветрова стали следовать один за другим. Они отличались мягким юмором, ироничным отношением автора к самому себе. А В.М. Голицын, иллюстрировавший их, получил известность не только как художник-маринист, но и как художник-юморист.

Можно было предположить, что и В.С. Трубецкой, и В.М. Голицын, эти талантливые, остроумные люди, проживут свою жизнь легко и весело. Но они были князьями... Это и определило их судьбу.

Владимира Сергеевича с юности влекло море. Он поступил юнгой на миноносец. Но... влюбился. Влюбился так, что, как вспоминал впоследствии, «каждая боле или мене продолжительная разлука с ней переживалась бесконечно тягостно». Надо было решиться: или море, или любимая. Он отказался от моря, поступил в лейб-гвардии Ее Величества полк синих кирасир. Сначала надо было прослужить год рядовым, потом сдать экзамены на офицера. Трубецкому, одному из немногих, сдававших экстерном, удалось

их выдержать. В 1912 году он получил первый офицерский чин корнета и женился на своей избраннице – княжне Елизавете Владимировне Голицыной.

Но учения, парады, веселая гвардейская жизнь в Гатчине, где стоял полк, длились недолго – началась Первая мировая война. Она оказалась совсем непохожей на военные игры, которыми так увлекался в детстве Владимир Трубецкой. Впоследствии он рассказывал своим детям некоторые эпизоды. Его сын Андрей запомнил такой рассказ: «...на проволочном заграждении висел весь в крови, но еще живой молоденький красивый немецкий офицерик, и кто-то его добивал. Мне передалось чувство общего ужаса войны и жалости отца к этой ее жертве».

Нервное потрясение, обострение туберкулеза, ранение в 1915 году – в результате всего этого Трубецкого во время войны несколько раз отправляли на лечение. В то же время были замечены его выдающиеся способности: он был назначен командиром созданной впервые в Российской армии отдельной автомобильной ротой. Сражалось это подразделение на Юго-Западном фронте.

Октябрь 1917 года застал Трубецкого в Москве. В дни октябрьских боев, когда выходить на улицу было опасно, умерла от скарлатины его первая дочь Татьяна.

В январе–феврале 1918 года Трубецкой принял участие в попытке группы офицеров освободить царскую семью, находившуюся в Тобольске. Попытка, как известно, не удалась. Один из ее организаторов – Михаил Сергеевич Лопухин, родственник Трубецких – был вскоре расстрелян. Другие участники скрывались в эмиграции, а Трубецкого, действовавшего в этой группе под вымышленной фамилией, так никто и не разоблачил.

В Москве становилось все хуже. Многие семьи уезжали, спасаясь от голода, в провинцию. Трубецких и Голицыных пригласила в город Богородицк Тульской губернии графиня Вера Владимировна Бобринская, сестра Елизаветы Владимировны Трубецкой. События, происходившие на охоте в окрестностях этого города, и послужили сюжетами для многих рассказов Трубецкого.

Но он увлекался не только охотой. Во флигеле дворца Бобринских по вечерам устраивались настоящие концерты, на которые многие зрители приходили даже из города. Владимир Сергеевич играл на виолончели, Софья Николаевна Голицына или Вера Владимировна Бобринская – на рояле, пленный австриец – на скрипке, а певцы были из Богородицка. Исполняли и классическую музыку, и сочинения Трубецкого.

В послереволюционные годы в России было необыкновенное увлечение театром. Не избежали его и Богородицке. Старшие дети Голицыных и Бобринских ставили сцены из «Ревизора», «Горя от ума», «Каменного гостя», используя костюмы из графских сундуков. Режиссером был Трубецкой. Окрыленный успехом, он написал комедию «Тетя на отлете». Спектакль имел еще больший успех. Зрители просили о новой постановке. Владимир Сергеевич задумал поставить комедию с веселыми песенками. Но этим замыслам не суждено было осуществиться: пришли известия о расстреле царской семьи и Михаила Лопухина, близкого родственника Голицыных. А вскоре, когда вечером, как обычно, музицировали, в дом ворвалась группа солдат и матросом. Они арестовали троих членов семьи, в том числе и Трубецкого. Однако вскоре всех отпустили.

Но вскоре нагрянула новая беда: Бобринских и их родственников выселили из флигеля. Пришлось поселиться по разным частным квартирам. Тут опять арестовали В.М. Голицына, Л.А. Бобринского и В.С. Трубецкого и увезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. И на этот раз все обошлось – через месяц их отпустили.

А потом их арестовали в третий раз – уже как заложников: к городу подходили войска Деникина. В Тульской тюрьме арестованных содержали впроголодь, их одолевали вши, клопы и блохи. У Трубецкого вновь обострился туберкулез. Заложников все же не расстреляли – Деникин отступил. Однако Трубецкого не освободили, как остальных, а как военнообязанного отправили в московский госпиталь. Там его подлечили и мобилизовали в Красную армию. Направили в Орел, в распоряжение командующего Южным фронтом. Дали паек. Тогда он решил рискнуть и заехать в Богородицк, чтобы отдать часть продовольствия семье. Здесь, ночью, через несколько часов после приезда, он был снова арестован. Не помог и мандат, выданный ему в Москве. В Тульской тюрьме у Трубецкого опять обострился туберкулез, и после пребывания в тюремной больнице его, совсем больного, выпустили. Он вернулся в Богородицк.

И снова были театральные постановки, и снова Владимир Сергеевич играл на виолончели и дирижировал оркестром, а, кроме того, работал ремонтником в Богородицком военкомате: отбраковывал мобилизованных в армию крестьянских лошадей. Жена его, мать четверых детей, «ради дополнительного пайка играла в оркестре на барабане, – вспоминал С.М. Голицын. – Была она бледная, хрупкая, измученная недоеданием и недосыпанием. Огромный армейский барабан совсем не подходил к ее тоненькой, изящной фигуре. Она сидела с краю сцены и, держа палочки наготове, вслушивалась в музыку, стараясь не пропустить такт, вдруг взмахивала палочками и изо всех своих малых сил стучала по барабану. Случалось, она приводила на репетиции своих деток. И они, бледные, кудрявые, прелестные, как ангелочки, примостившись в уголку, сидели неподвижно, терпеливо ожидая, когда мать позовет их домой».

Позже Трубецкой сочинил оперетту, использовав одну из новелл из «Декамерона» Боккаччо. Ее поставили в начале 1922 года, и она имела большой успех. Написал он еще одну оперетту, повез в Москву но, хотя тогдашнему опереточному «королю» Ярону она понравилась, ее не приняли – не было в ней показано классовый борьбы. Пропала надежда на гонорар.

Однако Трубецкой не унывал. Продолжал отбраковывать лошадей в военкомате, дирижировать оркестром, охотиться...

Хорошим подспорьем были посылки американской организации помощи голодающим в России (АРА), на которые заграничные родственники Трубецких вносили доллары. Попробовали Трубецкие завести живность – Владимир Сергеевич купил трех черных кур и черного поросенка, уверяя что черный цвет идет к его дому. Но тут его постигла неудача: кур слопала черная же собака, а поросенок издох.

Кирилл Голицын, родственник Трубецких, приезжал в Богородицк в ту пору, он так вспоминал эту семью: «Особенно мы любили посещать Трубецких. Дядя Владимир, помимо неиссякаемого остроумия, обладал свойствами, которые мы, мальчишки, особенно в нем ценили: он держался с нами как с равными себе, почти как со своими

товарищами, не допуская нас, однако, до панибратства. С ним всегда было легко, весело. Неизменным расположением встречала молодежь и тетя Эли (Е.В. Трубецкая. – Т.С.). Ее, из всех сестер моего отца, моих теток, я любил, пожалуй, больше всех. Меня всегда привлекала в ней ее ласковая родственность и приветливость».

В 1923 году все начали разъезжаться из Богородицка. Владимир Сергеевич не нашел работы в Москве, и семья Трубецких поселилась в Сергиевом Посаде, где тогда жили многие их родственники и знакомые. Сняли три комнаты на втором этаже дома на Огородной улице. Вскоре детей стало шестеро. В первое время у Трубецких были две прислуги, что освобождало Елизавету Владимировну от домашних забот, и она могла уделить много времени воспитанию детей. Позже прислуги не стало.

Владимир Сергеевич зарабатывал игрой в оркестре ресторана «Смычка» и еще работал тапером в кинотеатре, сопровождая музыкой немые кинофильмы. Помогали и заграничные родственники, так что материальное положение семьи в годы НЭПа было сносным.

Однако время от времени Трубецкого арестовывали. Так, первый арест в Сергиевом Посаде произошел в начале 1925 года. Поводом для него, вероятно, был сохранившийся в деле донос о том, что на Троицын день встречались князь Трубецкой, князь Голицын, граф Олсуфьев, Вишняков, Шик и Истомин за чаем и о чем-то беседовали – подслушать не удалось.

Елизавета Владимировна учила детей английскому и французскому языку, читала им русские сказки и сказки братьев Гримм. Андрей Владимирович Трубецкой вспоминал: «Естественно, что мать занималась и нашим религиозным воспитанием. Читала нам Священное писание, а на ночь мы все вместе с ней вслух молились. Дома отмечались все церковные праздники, особенно Пасха и Рождество. Оно особенно запомнилось елкой и чулками, которые родители делали всем детям. По сей день буквально осязаю это чувство чего-то радостного, приятного и большого. Ярко вспоминается утро, вернее, еще темная ночь, но кто-то из нас уже проснулся и потянул туго набитый, весь в твердых выпуклостях чулок, привешенный к спинке кровати, набитый чем-то вкусным, приятным и интересным. Шорох разворачиваемой бумаги, радостные тихие возгласы. Но вот у кого-то посыпались на пол орехи. А за стеной сонные и кажущиеся недовольными возгласы родителей: "Тише, еще рано, спите!"... Какой там спать! Мы все громче разворачиваем подарки Деда Мороза, делимся сладостями и впечатлениями – целый каскад вкусовых, слуховых и осязательных ощущений. Но вдруг по полу у кровати обнаруживается игрушечный конь или кукла – опять громкий восторг.

А на Страстной неделе надо было обязательно донести из церкви горящую свечу и затеплить дома лампадку "святым огнем". На улицах целые вереницы мерцающих в сумерках живых огоньков, расходящихся от нашей церкви на Красюковке. Заутреня, церковь полна народу, и мы, дети, там. В праздничные дни зажигались свечи на высоко висящем большом паникадиле. Зажигались от одной, соединенной толстой ворсистой ниткой со всеми остальными свечами. Но вот надо опускаться на колени, и мы, конечно, садимся на пятки. Причастие... во рту до сих пор остается вкус теплого и сладкого кагора, а

в душе – чувство чего-то значительного и торжественного. Признаюсь, что какого-то религиозного трепета, экстаза я никогда не ощущал, принимая все просто как должное.

В Пасхальную ночь дома уже готовый, полный яств стол с пасхами, куличами, крашеными яйцами и другими вкусностями...

Вот так и жили мы в те спокойные и, все в сравнении, благополучные годы...

Отапливались наши комнаты двумя печами: русской, в которой готовили еду (эта печь входила одной стороной – белой, кафельной – в столовую) и круглой, черной голландкой. Забираться на русскую печь зимой было большим удовольствием. А по вечерам все смотрели на красные угли с голубоватыми, чуть колеблющимися язычками, на волшебную, все время меняющуюся картину и наперебой говорили, что кому представилось в разных местах печного пространства. Заводилой и, несомненно, первенствующим фантазером здесь была Варя (старшая дочь Трубецких. – Т.С.).

Она же устраивала шарады, ставила различные сценки, отделив занавесом (простыней) часть комнаты, где как раз и стояла голландка... Поэтические дарования Вари проявились довольно рано, а Гриша (старший сын Трубецких. – Т.С.) неплохо рисовал. Эти таланты воплотились в издание семейного журнала на злобу дня...».

В 1924 году у Трубецких в Сергиевом Посаде побывал их родственник Сергей Михайлович Голицын. Он писал в своих воспоминаниях: «Седьмого января, то есть, как это не странно, в первый день Рождества, начались школьные каникулы. Меня позвали к себе Истомины в Сергиев Посад. Я поехал вместе с дядей Владимиром Трубецким. Приехали мы поздно, и первую ночь я провел у него.

Утром проснулся рано, меня разбудили детки (мои двоюродные) – кудрявые, хорошенькие, одни темные, другие светлые. Стоя в одних рубашонках, они обступили мое ложе на полу и пихали на меня стройную английскую гончую собаку.

Обстановка квартиры Трубецких была обычной для обстановки бывших людей, самая простая мебель: шкаф, стол, табуретки, лавки перемежались с мебелью красного дерева, но поломанной. На стенах висели изящное, овальной формы зеркало, охотничье ружье в добротном чехле с инкрустациями и большой портрет прабабушки – дочери фельдмаршала Витгенштейна в тяжелой золоченой раме».

Описывает С.М. Голицын и охоту, на которую Трубецкой взял двух мальчиков – Сергея Голицына и Сергея Истомина. Ходили с гончим выжлецом Орлом.

«Впервые в жизни, – писал С.М. Голицын, – я попал в хвойный еловый лес зимой. Дядя Владимир показывал нам многочисленные следы зверей и птиц на снегу – заячьи, лисьи, собачьи, то и дело попадались янтарные кучки зернышек – помет рябчиков и тетеревов, снегири ворошили на дорогах конский навоз. Тогдашний зимний лес был полон жизни, а теперь снег в лесу лежит белый-белый, никаких следов, никаких кучек помета нет.

Не помню, убили ли мы тогда кого-либо. За рябчиками дядя Владимир не охотился, а зайцев нам не попадалось. Зато я запомнил красоту леса – елки, осыпанные снегом, синие тени на снегу и то наслаждение лесной красотой, которое охватило моего дядю и передалось нам...».

В конце 1920-х годов Трубецкой по поручению журнала «Всемирный следопыт» несколько раз отправлялся в командировки в Астраханский заповедник, в Среднюю Азию,

печатал очерки о своих поездках. Тридцатого сентября 1927 года Михаил Пришвин записал в дневнике: «Был у меня Трубецкой, проделавший в тайге то, что я когда-то продела на севере, убил медведя. Это путешествие преобразило его, и он из дебрей тайги явился к нам князем».

С ликвидацией НЭПа закончилось и относительное благополучие Трубецких. «Нам грозит голод, хлеба нет», – писал 5 июля 1928 года В.М. Голицын, отец Елизаветы Владимировны Трубецкой. В списке лиц, лишенных избирательных прав (1926 год), значились и Трубецкие. При этом против имени Владимира Сергеевича в качестве обоснования такого решения было записано, что он является лицом, живущим на нетрудовые доходы, и дано пояснение: музыкант.

Когда в конце 1928 года вели карточки на хлеб, Трубецкие, как лишенцы, их не получили. А весной 1929 года Владимир Сергеевич потерял работу музыканта. Запись в дневнике М. Пришвина от 4 апреля 1929 года: «Трио. Скрипач, пианист и виолончелист Трубецкой, выступая в кино постоянно и часто на всяких вечерах за пять лет завоевали сердце сергиевской публики. Даже старушки приходили послушать трио и, роняя слезы при нежных мелодиях, говорили о Трубецком: «Самому царю князь играл, а теперь кому». На простой дудочке князь Трубецкой с аккомпанементом пианиста и второй скрипки играл так очаровательно, что раз даже начальник милиции не выдержал, послал музыканту записку, и Трубецкой объявил свой номер: "По требованию начальника милиции будем исполнять "Не искушай"».

Все пять лет Трубецкой за происхождение лишен избирательного голоса, но по простоте начальства состоял членом профессионального союза работников искусств («лишенцы» не имели права быть членами профсоюза. – Т.С.). В нынешнем году его, как лишенца, "разъяснили" и уволили из членов Всерабиса. Вместе с этим, как не состоящий в союзе, он автоматически был уволен из кино. Скрипачу и пианисту предложили взять себе сотрудника из Москвы, но по сочувствию к Трубецкому, по любви к своему искусству они отказались играть с неизвестным московским музыкантом, и трио распалось».

Особое отношение населения Сергиева Посада к Трубецкому отметил М. Пришвин и в другом месте своего дневника: «Все решительно, даже те, кто боролся в революцию против привилегированного сословия с яростью, называют Трубецкого "князем". Он высказывался, что принимает титул в смысле "барона" из "Дна" Максима Горького. Но это неправда, его называют по чувству симпатии к его необыкновенной простоте, выражая этим: "хотя у нас и нет князей, а вот тебя за твою простоту будем называть князем"».

В конце 1929 года В.С. Трубецкой потерял и работу во «Всемирном следопыте»: по желанию Максима Горького, не одобрявшего приключенческую литературу, журнал был закрыт.

В 1930 году Анна Сергеевна Голицына писала дочери в Париж: «...Очень жалкое положение Трубецких, очень уж у них не хватает жалования Владимира. Я приехала – как раз у них не было дров, почти не было картофеля, а уж о жирах и не говори. Был пустой суп – вода с картофелем, а на второе картофель с солью... Я привезла от Вовика 20 руб. дедушке, но пришлось отдать Трубецким. Купили воз дров, и картофеля, и конину (лошадиное мясо). Когда я уезжала, Владимир должен был получить жалование, которое

сейчас же рассеется: у них 300 руб. долга. У детей валенки развалились и нельзя их отдать починить, и дети мерзнут, особенно страдает Варя, у которой обмороженные ноги, и ужасно распухают и болят от холода. Мы стараемся сейчас продать красные покрывало со старинной вышивкой в их пользу».

Трубецкой решил поправить положение, разводя кроликов. В 1930 году ему разрешили отвезти на лечение к родственникам во Францию старшего сына Григория, тяжело болевшего астмой. Оттуда Владимир Сергеевич и привез кроликов породы шиншилла. Кролиководство тогда поощрялось партией и правительством. «Но, – как пишет А.В. Трубецкой, – дело не шло, кролики дохли, и мрачный юмор голодного народа тех лет прозвал кролика "сталинским быком"». Не избежали общей судьбы и кролики Трубецких.

Летом 1931 года дом на Огородной улице, где жили Трубецкие, у его хозяина отобрали, так как он владел еще двумя домами. Трубецким пришлось переехать на улицу Нижнюю, нынешнюю Митькина (дом не сохранился), а Владимир Михайлович Голицын, живший с ними, был вынужден уехать к другим своим родственникам в Дмитров. На новом месте все Трубецкие ютились в одной, очень сырой комнате.

«Жизнь на Нижней улице стала довольно скудной, а порой и просто голодной, – вспоминал А.В. Трубецкой. – На маленькой плите, которая нежадно дымила, отапливая нашу комнату, мать варила пустые щи, пшеничную кашу на воде или картошку. В качестве приправы иногда жарился лук на небольшом количестве сметаны».

Гриша скучал во Франции по дому, и осенью 1931 года Трубецкой уехал за ним (возможно, именно эти поездки сыграли в дальнейшем роковую роль в судьбе Владимира Сергеевича). Но проживание больного мальчика в сырой (на стенах собирались капельки воды) комнате, где, кроме него ютились еще восемь человек, спровоцировало тяжелейшие приступы астмы.

Елизавета Владимировна Трубецкая была вынуждена подрабатывать, делая переводы статей из технических журналов для НИИ Птицеводства (она знала итальянский, французский и английский языки).

Появился у нее и еще один заработок. Она писала бесцветными чернилами (раствором ляписа) на маленьких бумажках всяческие «пророческие» изречения для одного фокусника-гадателя, выступавшего на рынках. Потом фокусник предлагал кому-нибудь из толпы вытащить из пачки такую бумажку и опустить ее в пустую бутылку. После встряхивания фокусник вынимал бумажку – на ней была видна надпись (в бутылку он заранее капал раствор сероводорода, который и делал текст видимым).

Чтобы прожить, Трубецкие продавали уцелевшие драгоценности в торгсин. А.В. Трубецкой вспоминал, что «однажды отец пришел домой, нагруженный кулками с крупой, мукой, какими-то жирами. На вопрос матери: "Откуда?" – он молча показал кисть правой руки уже без обручального кольца». Беззаботный, даже порой легкомысленный, он в эти годы, по воспоминаниям сына, «выглядел преимущественно суровым и озабоченным житейскими нуждами».

Весной 1933 года Трубецкого арестовали, обвинив в «контрреволюционной агитации среди местного населения». Вскоре его отпустили, но, как выяснилось уже в 1990-е годы, тогда его дело передали в Иностраннный отдел ОГПУ.

Меньше чем через год арестовали снова. На этот раз он проходил по так называемому делу «Российской национальной партии» («делу славистов»). В конце 1933 года арестовали нескольких крупных лингвистов (славистов), в том числе Н.Н. Дурново и его сына Андрея. При обыске изъяли три книги Николая Сергеевича Трубецкого, которые Н.Н. Дурново привез из-за границы, и записную книжку А.Н. Дурново с выписками из сочинений Н.С. Трубецкого.

Старшая дочь В.С. Трубецкого Варя была невестой Андрея Дурново. Ее арестовали 31 декабря 1933 года, прямо с новогоднего вечера, а через несколько дней взяли и Владимира Сергеевича.

Уже к марту 1934 года дело было сфабриковано. В обвинительном заключении сказано, что «существовала разветвленная контрреволюционная национал-фашистская организация "Российская национальная партия", ставившая своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры... Контрреволюционная организация "НРП" была создана по прямому указанию заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н.С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и др.». Сказано было также, что «систематическая связь членов организации с этими учреждениями осуществлялась путем вывозов членов организации за кордон (Державин, Дурново Н.Н., Трубецкой В.С. и др.)».

По этому делу было осуждено 34 человека в Москве и 26 – в Ленинграде. По приговору суда Трубецкой был сослан на 5 лет, а его дочь Варвара – на 3 года в г. Андижан Узбекской ССР. Варваре «по молодости лет» срок сократили до двух лет, но ей об этом не сказали. А.В. Трубецкой, узнав об этом в 1990-е годы, очень сокрушался: если бы тогда знать, Варя могла бы уехать и, может быть, спастись.

Жена с детьми последовала за мужем. Там, в ссылке, в 1934 году родился их последний ребенок, Георгий. Трубецкой зарабатывал, играя в ресторанном оркестре. В Андижане он начал писать мемуары и успел описать гвардейский период своей жизни. Рукопись сохранилась чудом: когда в 1937 году пришли с обыском, один из сыновей сумел спрятать ее. Впервые она была опубликована в 1991 году под названием «Записки кирасира». А ее автора тогда увели навсегда. Приговор: «10 лет без права переписки». В справке, полученной сыновьями в 1990 году, в графе «Причина смерти» указано – «Расстрел».

Арестовали и троих старших детей Трубецких: Григория, Варвару и Александру. Варвару расстреляли вместе с отцом, ей было 20 лет. Григория и Александру приговорили к 10 годам заключения в лагере.

Много лет спустя Илларион Голицын написал картину «Трубецкие». Возвышается фигура В.С. Трубецкого в белом парадном мундире полка синих кирасир лейб-гвардии Ее Величества императрицы Марии Федоровны. Мундир сохранился, как память – в нем князь венчался. Елизавета Владимировна стоит на картине рядом с мужем, держит на руках ребенка. Это еще не родившийся тогда Георгий. Он появился на свет уже Андижане, куда семья уехала из Сергиева Посада вслед за высланными главой семьи и старшей дочерью Варварой. Рядом с родителями дети: Григорий, Варвара, Александра, Андрей, Владимир, Сергей. Одна из знакомых Трубецких вспоминала: «Детей было так много, что

трудно было их не спутать. Двое старших еще выделялись. Остальные ходили гурьбой или вереницей, все худенькие, бледные, с большими глазами и худенькими голыми ручонками и тоненькими ножками. Они напоминали паучков... Старшему мальчику Грише было лет 9, а за ним шла девочка Варя лет 7. Этот мальчик Гриша поражал страдающим выражением глаз, совершенно недетских. Он страдал астмой, ему нельзя было бегать, он задыхался.... Нельзя было на него смотреть без чувства глубокой жалости».

В 1937 году Гришу арестовали и приговорили к 10 годам лагерей. На картине он стоит по левую руку от родителей.

О Варе вспоминала другая знакомая семьи: «Пришла к нам такая худышка, замухрышка девочка. И вот я надела на нее своего белого песка, прикрыла немного ее плечики – эта фотография есть – и эта девочка такая стала хорошенькая, в ней сразу княжна появилась». Варю взяли прямо со встречи Нового – 1934 – года. Ей было 17 лет. Выслали вместе с отцом в Среднюю Азию, а в 1937 году снова арестовали и расстреляли. На картине она вторая с правой стороны от матери.

С краю, на коленях, ее сестра Александра. Ее школьная подруга вспоминала: «Особый след в душе оставила Шура Трубецкая. Дома ее Татей звали. Знаете, к ней даже блатные мальчишки относились с нежным чувством. Она действовала облагораживающее. Была в ней какая-то кристальная чистота. И даже обормоты на нее смотрели, как на что-то святое... Трубецких выслали в Среднюю Азию. Седьмой класс Шура не успела закончить. А в восьмой ее там не приняли. Она писала мне. Только ее письма сохранила».

Татю арестовали в 1937. В лагере она заболела смертельно.

Дольше всех дочерей оставалась с матерью младшая – Ирина. Она стоит, прижавшись к матери, с левой стороны.

А справа от матери, чуть позади, видна длинная фигура Андрея. Возле него две надписи: «воин» и «зэк». Впереди него маленький синеглазый мальчик Сергей. За свои огромные глаза он получил в детстве прозвище «Озера». «Сергей был очень впечатлительным мальчиком, вспоминал Андрей. – Он не мог спокойно слышать музыку похоронного оркестра. Заслышав еще издали первые звуки, он весь настораживался, напрягался, его “озера” еще больше расширялись, затем начинал кричать и убегал домой в панике». У родителей не было возможности учить ребенка музыке, но в дальнейшем, благодаря идеальному слуху, Сергей стал первоклассным настройщиком роялей. С краю на картине стоит с удочкой Владимир. Рядом с ним на траве белая собака. Неподалеку от дома, где жили в Посаде Трубецкие, находится Скитский пруд, и мальчики проводили там немало времени: купались, ловили рыбу, катались на плотках и на лодках. А так как Владимир Сергеевич был страстным охотником, в 1920-е годы в доме была и охотничья собака. Но, кажется, художник изобразил не охотничью собаку, а просто дворняжку – в 1930-е годы из-за нужды породистых собак уже не держали.

Андрей, Сергей и Владимир – воины.

Андрея призвали еще в 1939-м, так что он оказался в боях с первого дня войны. Вскоре его тяжело ранило под Гдовом, и он попал в плен. Оказался в Вильнюсе, в госпитале для военнопленных. Из-за «громкой» фамилии о нем узнал родственник, находившийся в Литве, и получил разрешение взять его из госпиталя, как прямого

потомка Великого князя Литовского Гедимина (в XXI колене). Имя Гедимина носила тогда главная улица Вильнюса. А.В.Трубецкой подлечился и окреп. Побывал даже у родственников в Вене. Но мечтал вернуться домой. Наконец, ему удалось с несколькими товарищами попасть в польский партизанский отряд, действовавший в лесах под Кенигсбергом. Потом перешел в советский партизанский отряд. Отряд соединился с регулярными частями Советской Армии. Трубецкой был ранен в боях под Кенигсбергом, награжден орденом Славы 3-й степени. Встретил день Победы на подступах к городу Цвितтау в Германии. При мне Андрея Владимировича спросили: «Почему вы вернулись? Вы же могли остаться за границей» Он ответил: «Из-за Родины и из-за матери».

Владимира призвали в начале 1943-го. Он участвовал в битве на Курской дуге. Был сапером, потом служил в разведывательной роте танкового полка. С боями дошел до Одера. При переправе его ранило в ногу. Вывалился из лодки. Противоположный берег был ближе, и он поплыл туда, а немцев-то еще не выбили. Пролежал сутки в ледяной воде у берега. На другой день наши подобрали, отвезли в госпиталь. Простудившись в ледяной воде заболел воспалением легких... Не до ноги было. И ногу пришлось ампутировать. Вернулся он с орденом Красной Звезды и медалями. Поступил на исторический факультет МГУ.

Сергей попал на фронт в 1944-м, в бронетанковые войска. Участвовал в битве на Сандомирском плацдарме. Его танк подбили, а сам он получил ранение в ногу. Из госпиталя вышел инвалидом.

Вернулись братья-воины, а матери нет. Она оставалась в деревне под Талдомом (за 101-м километром). Туда перебралась после ареста мужа и старших детей. Родственники помогли купить пишущую машинку – немного удавалось заработать перепечаткой. Младший ребенок был такой худенький, прозрачный, как стекло, что брат дал ему прозвище «Стеклярус». Еще хуже стало, когда началась война. Георгий вспоминает: «Лебеду ели, мороженую картошку ели, дохлую кошку ели... Спать было невозможно из-за вшей. Мать уходила по деревням побираться, приносила 5-6 картошинок, иногда кусок хлеба». К Трубецким подселили эвакуированную, жуткую пьяницу. Узнав об их происхождении, она стала требовать у Трубецких денег на водку, и однажды донесла на «недобитую княгиню».

Георгий помнит, что пришли двое в белых валенках с орденом, обнаружили при обыске белый мундир с золотыми пуговицами – мундир офицера кирасирского полка. «Надо было видеть выражения их лиц – не иначе самого Гитлера поймали. Эти, которые в белых валенках, все унесли и маму увели. Больше я ее не видел, через два месяца она умерла в тюрьме». Елизавета Владимировна успела только перекрестить сына. Он остался, восьмилетний мальчик, на печке, больной тифом.

Вернулись с войны братья, а дома нет. Брат Гриша в лагере в Сибири. Татя умерла. Ирина ездила по стране в почтовом вагоне. Об отце и Варе ничего не известно. Тогда не понимали, что «10 лет без права переписки» значило – расстрел. А на картине они еще все вместе. Это картина – воспоминание. Облик людей размыт, виден, словно сквозь слезы. Фигуры удлинены, как на древнерусских иконах. Головы будто вторят золотым главам церковей Лавры. А вдали черные машины-«воронки», черные люди с черной

собакой. Возле фигур Трубецких надписи: «зэк», «воин» и кресты с датами смерти. Может быть, впервые на картине надписи, как бывало на иконах.

Это – картина-воспоминание. Зыбкой кажется преграда между прошлым и будущим. Возникает ощущение и бренности всего сущего, и вечности жизни.

Все трое братьев Трубецких вернулись с войны инвалидами. У них не было родителей, не было дома. Но их родственник Николай Алексеевич Бобринский, профессор зоологии МГУ пригласил братьев к себе и сказал: «Пока я жив, учитесь». Спали братья на полу. Сын профессора, Николай Бобринский, спал под столом, а Николай Челищев, племянник жены Н.А. Бобринского, часто приезжавший к родным, – на шкафу. Их так и звали: Коля Нижний и Коля Верхний.

Андрей Владимирович Трубецкой после демобилизации восстановился в университете и женился на своей дальней родственнице Елене Владимировне Голицыной. В 1949 году был арестован за отказ сотрудничать с органами Госбезопасности. Был осужден на 10 лет лишения свободы. Попал в Степлаг под Джезказганом (Казахстан). Там снова отказался работать на «органы» и значительную часть срока провел в штрафной, так называемой «режимной» бригаде. Свидания и передачи были запрещены. Только два письма в год.

Однажды у контрольно-пропускного пункта шахты, в которой работали заключенные Степллага, появилась женщина в светлом платье. Это была Елена Владимировна Трубецкая.

Она стояла у вахты и думала: «За стеной, по вечерам он учится, стараясь не потерять приобретенного за три года в университете... Его стережет полсотни разъяренных собак, готовых каждую минуту разорвать всех этих черных бородатый людей. Его стерегут «синие фуражки» с пулеметами, не считая за человека, у которого есть имя и фамилия. У него есть номер и больше ничего.

А этот человек прошел Великую Отечественную войну, защищал Россию, отдавал ей свою кровь. Этот человек бежал в партизаны, на Родину, он не мог без нее жить. Этот человек, награжденный боевыми наградами за защиту своего Отечества, учился, чтобы потом все знания опять-таки отдавать своей стране. И этот человек, молодой, полный сил, имеет теперь номер на своей груди, десять лет лагеря и обвинение в измене Родине...».

Она ждала у вахты колонну заключенных. «Колонна приближалась. Черные сгорбленные люди с большими номерами на грязных серых рубахах. Некоторые в железных шахтерских касках на головах. Метрах в пяти от колонны – конвой... Подсознательно боялась увидеть Андрея сломленным, хотя знала, что этого не может случиться. Знала, что не может сломиться его сильный дух, с честью прошедший огонь и воду. А между тем иногда закрадывалась непрошенная мысль. Так же ли, высоко подняв голову и смело глядя вперед через все испытания, проходит он последние медные трубы? Вдруг совершенно явственно, близко услышала знакомый, родной и совершенно бодрый голос: "Елена!"».

Свидания не дали. Но через ряды колючей проволоки они увидели друг друга. Он был «загорелый, стройный, будто ничего и не было, будто случайно попал он в эту сгорбленную серую колонну заключенных, медленнодвигающихся с руками назад».

На второй день, когда она стояла у вахты, бригада заключенных сняла шапки и поклонилась ей – они уже знали: эта женщина приехала к мужу.

Был август 1951 года.

Вышел на свободу Трубецкой в 1955 году. Он в третий раз поступил в МГУ – ему было уже 36 лет. Окончил биологический факультет, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. До выхода на пенсию работал во Всесоюзном кардиологическом центре Академии наук.

Свою одиссею он рассказал в книге «Пути неисповедимы» (М., 1997).

Владимир Владимирович Трубецкой поступил на исторический факультет МГУ, женился на Ольге Александровне Несмеяновой, дочери Президента АН СССР. Работал в Институте востоковедения АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию. Сергей Владимирович, имея абсолютный слух, стал работать в Москве настройщиком роялей.

Ирина Владимировна во время войны работала секретарем в одном из сельсоветов под Талдомом, пока после ареста матери ее не уволили. В 17 лет она осталась круглой сиротой. Работала на железной дороге, в почтовом вагоне объездила всю страну. Потом вышла замуж и работала машинисткой. В 1990-х И.В. Трубецкая возглавляла Департамент благотворительности Российского Дворянского собрания.

Георгий Владимирович Трубецкой стал зоотехником-звероводом, имеет степень кандидата биологических наук. Работает в Раменском, под Москвой, в НИИ пушного звероводства и кролиководства.

А.В. Трубецкой написал и о жизни в Сергиевом Посаде (Загорске). В книге есть яркие воспоминания о школьных годах. Вот некоторые из них.

«Учиться я пошел в 1927 году, когда мы жили еще на Огородной улице. Школа была маленькой и вплотную примыкала к церкви, в которую упирается бульварная улица все той же Красюковки (церковь Михаила Архангела. – Т.С.)... 7-го ноября школьников повели на центральную площадь города, где мне запомнился высокий шест с закрепленной на нем большой буквой "X", о чем я рассказал дома. У отца это вызвало веселое оживление: "X" – римская цифра 10-летие Октября...

Осенью 1931 года уже с Нижней улицы я пошел учиться в 5-й класс. В Загорске (уже не Сергиеве) тогда было две средних школы: "Белая" – бывшая гимназия – и "Красная", называвшаяся по цвету стен... Новый класс, новые друзья-приятели, новые педагоги. Да к тому же и новая методика преподавания. Класс – человек тридцать – сорок – разбивали на бригады, которые усаживались кучками. Раздавались листки с программой-заданием, напечатанные на папиросной бумаге. Старший по бригаде читал, а все должны были внимать. Педагог ходил от бригады к бригаде, проверяя, что и как читается, давал разъяснения.

Надо ли говорить, что эффект от такого способа овладения знаниями был очень небольшой, а экзамены не предусматривались. Такую методику обучения я застал только в пятом классе. Потом ее отменили...

Примерно тогда же были введена и пятидневка: четыре дня занятий, а пятый – свободный. И это только в школе. В учреждениях и на производстве пятидневка была еще и непрерывной: выходные дни не были фиксированными и везде свои. Можно

представить, какую это вносило путаницу и неразбериху! Позже пятидневку заменили шестидневкой, а вместо непрерывности общие выходные были в одни и те же дни: 6, 12, 18, 24 и 30-го каждого месяца, и так до самой войны. Тоже определенный умысел: вытравить из памяти воскресенье – свободный день.

Красная и белая школы стоят близко друг от друга. Тут же располагалась церковь Вознесения. И вот ее закрыли. Как обычно и везде, за церковью небольшое кладбище, и его начали крушить. В этом разорении участвовали и мои товарищи - пятишестиклассники, просто из чувства озорства и хулиганства, которое, видимо, негласно поощрялось. Все это сейчас стоит перед глазами: целая ватага носится по двору с небольшим металлическим распятием, сорванным с какого-то надгробия, глумясь над Христом, плюя на него. С горьким чувством смотрел я издали на все это и... никак не вмешивался. Да и можно ли было вмешаться? Уже одно ношение нательных крестов было просто невозможно. В бане, в школе при медицинских осмотрах, когда надо было снимать рубашку, предстать с крестом на груди... Это же вызов. И мы, люди слабые, сдавались, снимали кресты. И уже на всю жизнь. А вот брат Владимир взрослым человеком снова начал носить нательный крест.

Мощи преподобного Сергия были вскрыты, и нас, школьников, водили смотреть. Запомнился полумрак Троицкого собора, а в богатой, мерцающей серебром и золотом раке на темно-синей атласной подушке с золотыми звездами были рассыпаны потемневшие косточки. Сопровождающий педагог объяснил, что это кости барана.

Здесь стоит привести отрывок “На богомолье” из воспоминаний сестры деда Ольги Николаевны Трубецкой. В нем она описывает посещение Троице-Сергиевой Лавры в 1919 году и рассказывает, что она увидела в Троицком соборе: «Мощи Его, ничем не прикрытые, лежали под большим стеклом. Виден был сохранившийся костяной остов и на голове волосы и борода. Почти все богомольцы приходили с букетами и цветами, явно желая прикрыть ими обнаженные мощи, разбрасывали цветы по стеклу, что затрудняло монаха, или, как говорили, коммуниста в рясе, сметавшего их на пол, по мере накопления их выносили из церкви». И далее: «Надо сказать, что вообще осквернение могил одно из проявлений гнусного психоза, овладевшего известной частью коммунистической молодежи».

Добавлю, что в начале 30-х годов в Лавре была вскрыта могила нашего прапрадеда Петра Ивановича Трубецкого. Мне запомнилось возмущение отца тем, что в городе кто-то ходит в сапогах Петра Ивановича, хорошо сохранившихся на ногах покойного. Дядя Сережа (Григорьевич) Трубецкой упоминал (со слов отца), что власти якобы предложили забрать "кости родственника". Я этого не помню...

Но вернусь в школу. Мне запомнились некоторые преподаватели. Шевалдишев, тихий, даже какой-то пришибленный, сказал бы я, пожилой интеллигент, видимо еще из гимназических учителей. На одном из пальцев правой руки постоянно носил маленькую повязку, явно прикрывающую обручальное кольцо. (Вот ведь было время – обручальное кольцо – явный криминал!). Преподавал он нам биологию.

А вот совсем другой тип. Средних лет женщина, бойкая, несомненно талантливый педагог, читала нам новый предмет – обществоведение, соединявший в себе, как я теперь понимаю, историю коммунистического движения и политэкономию капитализма.

Она очень наглядно объясняла законы рынка и конкуренции на примере своей вязаной кофточки. Расхаживая по классу, она говорила так: "Вот две артели делают такие кофты. Но одна, чтоб у нее больше покупали, стала пускать по верху карманчиков цветные нитки, а цену не подняла. И кофточки эти раскупали лучше. Тогда вторая артель, чтобы не прогореть, стала вязать такие же кофты, но с пояском, при той же цене. Теперь ее товар пошел лучше.

Еще преподаватель – Соломон Абрамович Марголис, математик, тонколицый, в пенсне и слегка картавящий. Один из наших классных хулиганов – Виталька Репин – был выгнан Марголисом с урока. Время от времени в тонкую щелку двери Виталька тонким голосом тянул: "Абра-а-ша". Соломон Абрамович невозмутимо продолжал урок, а класс ждал, чем се это кончится. Кончилось звонком.

Когда я перешел в Белую школу, Соломон Абрамович сделался преподавателем пения. Из его уроков запомнился бетховенский "Сурок" и "Марш из афинских развалин". Разучивал он с нами и "Интернационал", и здесь получалось так, что фразу "Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда..." кто-то стал чуть переиначивать, произнося не "работники", а "работнички". Соломон Абрамович сразу это уловил и заставил повторить. Но уловил не он один, и с каждым повтором все больше голосов стало выводить "работнички". Многие вообще не пели, а лишь открывали рты, но когда пение доходило до этого места, то произносилось только "чки". Соломон Абрамович остановил пение, а так как звуки "чки" доносились особенно сильно справа от него, где сидели мальчишки, то он стал поднимать каждого по одному и спрашивать, кто как пел. Не мое счастье я сидел далеко не первым. Если б меня спросили первым, то сознался бы – врать, как следует, я тогда еще не научился. Первые все отрицали, отрекся и я...

С первых уроков невзлюбил меня химик Яков Иванович, седой старик с усами. И было за что. На втором или третьем уроке он спросил меня, что было на предыдущем. Я по простоте душевной и ляпни: "Вы фокусы показывали". Как он обиделся! И потом долго еще за дело и без дела шпынял меня. Может быть, поэтому химия не давалась мне всю жизнь.

По физике я никак не мог запомнить формулы равномерного прямолинейного движения, а предстояла контрольная. Эти формулы я нарисовал себе на ладони. Причем на одной поместилось только две, и третью пришлось выписать на другой ладони. Все это делалось химическим карандашом и очень жирно. А перед физикой была химия. Яков Иванович обычно задавал вопрос, ученики тянули руки, и он кого-нибудь поднимал отвечать. Какой-то вопрос я, к удивлению, знал и поднял руку. Причем рук поднялось довольно много. Как сейчас помню, Яков Иванович прошелся взглядом по всем рукам, но потом почему-то вернулся к моей и поднял меня. Всегда ему отвечали с места, но тут он подозвал меня к столу, и я еще не догадывался почему. Я ему ответил, он спросил еще что-то. Я замолчал, а ладонями опирался на стол. Тогда он взял мою руку, повернул ладонью вверх и стал долго рассматривать формулы. Увидев только две, повернул и вторую руку, а потом показал обе руки классу и коротко сказал: "На перемене чисто вымой, чтоб следов не было". Травой в луже на школьном дворе долго я тер свои ладони. Может быть, поэтому формулы и остались в памяти...

Переводных экзаменов тогда не было, и меня, хотя и с трудом, переводили в следующий класс. Но вот оканчивая шестой класс и еле-еле набирая переходной балл, я начал задумываться о своих знаниях, о своем будущем. Стал, как говорится, братья за ум и сделал это довольно оригинально. Я подал заявление, чтобы меня оставили на второй год в шестом классе... Я сейчас думаю, что этот мой шаг – задержка образования на один год имела более глубокое и важное значение. Дело в том, что тогда было официальное ограничение на образование по признаку социального происхождения – "неполное среднее" можно, а "полное" – нет. Об этом я тогда не думал, да и не знал этого. Но задержка на один год сыграла роль: окончив на год раньше седьмой класс, я бы не смог поступить в восьмой».

В 1970-е годы Трубецкие купили крестьянскую избу в селе Озерецком в Сергиево-Посадском районе, примерно на полпути между Сергиевым Посадом и Дмитровом, где прошли детские годы его жены, Елены Владимировны Голицыной. Елена Владимировна, архитектор-реставратор, занималась в основном исследованием и реставрацией старинных московских церквей и палат. В Озерецком находится Никольская церковь, построенная в 1811 году в стиле ампир. В 1993 году эту церковь в полуразрушенном состоянии передали верующим.

Е.В. Трубецкая исследовала здание церкви, сделала обмеры, изучила фотографии разного времени, сделала эскизный проект реставрации и согласовала его в различных инстанциях. Трубецкие принимают посильное участие в реставрационных работах. Для этой цели были использованы, в частности, средства, полученные от продажи книги А.В. Трубецкого «Пути неисповедимы». Трубецкая следила за точным исполнением проекта, наблюдала за работами по восстановлению храма.

В Никольской церкви в последние годы крещены внуки Трубецких – Дмитрий и Александр.

Елена Владимировна является также членом авторского коллектива, работающего над серией книг «Архитектурные памятники Москвы XVII века», которые издаются с 1982 года, работает над любимой темой – «Бесстолпные храмы Москвы XVII века». Недавно подготовила материалы для эскизного проекта восстановления Успенской церкви в голицынской усадьбе Петрово-Дальнее. В последнее время она пишет воспоминания о своем отце.

А.В. Трубецкой в последние годы занимался составлением книги «Князь Трубецкие. Россия воспрянет!» (М., 1996), в которую вошли мемуары Трубецких. Написал он и собственные мемуары. Вторая их часть – «Пути неисповедимы» (1939–1956 годы) вышла в 1997 году. Андрей Владимирович также много работал в Военно-историческом архиве, собирая материалы о своем отце – В.С. Трубецком и изучал дневники своего деда, В.М. Голицына. И Андрей Владимирович, и Елена Владимировна много выступали на «Голицынских чтениях» в Музее-Заповеднике А.С. Пушкина «Большие Вяземы» с докладами о членах своего рода.

Каждый год 15 июля, в престольный праздник Ахтырской церкви приезжали Трубецкие в Ахтырку, пока жив был Андрей Владимирович. Он нес во время крестного хода Ахтырскую икону Божией Матери.

Н.А. Бердяев сказал в 1929 году по поводу кончины Григория Николаевича Трубецкого: «После таких катастроф поколение детей может уже потерять то высокое благородство породы и культуры отцов. Но память о таком благородном типе, выработанном длительным культурным процессом, должна навсегда сохраниться. Память сама всегда есть признак благородства, забвение же – признак неблагородства». Но опасения Бердяева были напрасны. Трубецкие не потеряли высокое благородство породы и сохранили память о предках.